

Кесарево – кесарю, а Божие – Богу.

Эволюционизм и креационизм в науке и религии

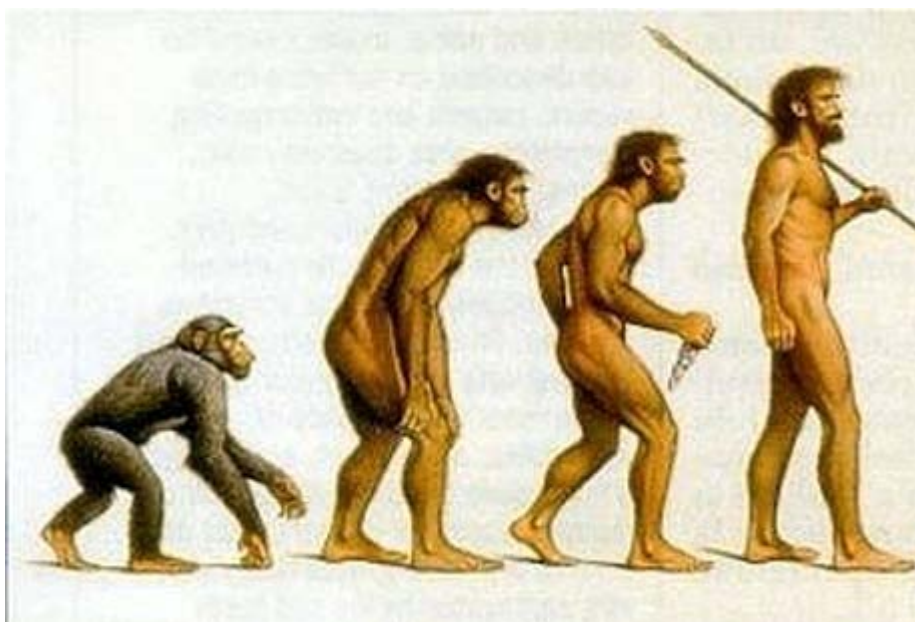
4 мая, 2009 • [Читайте также](#) • [Также в рубрике](#) • [Распечатать запись](#) • [Отправить по почте](#)

[Поддержите наш сайт!](#)

«Рассудок нам дан для владычества над всем земным и для смирения перед небесным»

В.А. Жуковский

Попытки аллегорического толкования книги Бытия с использованием эволюционных идей усилиями Шардена де Тейяра привели к созданию «христианского эволюционизма». Приверженцы «христианского эволюционизма» есть и среди православных (епископ Василий (Родзянко), протоиерей Александр Мень, протоиерей Глеб Каледа и их последователи, в том числе преподаватели православных учебных заведений, духовных семинарий и академий, всем известный диакон Андрей Кураев).

Другим путём идёт «научный креационизм», пытающийся из подходящих научных фактов строить свои «креационные теории» в строгом соответствии с буквальным прочтением Библейских текстов (но в полном несогласии с представлениями, укоренившимися в биологии, геологии и космологии). В целом имеет место попытка создать научно-религиозный «полуфабрикат», а, попросту говоря, попытка «впрячь в одну телегу коня и трепетную лань», считая при этом науку коренником, а религию пристяжной.

Попытка не новая. Успешное функционирование науки и религии, как единой системы, имело место в Европе в Средние Века, однако сегодня и наука другая, и христианство не едино — православное учение со временем все более и более расходится с католическим и протестантским. Поэтому надо проанализировать цели и средства науки и религии, причём сделать это надо в

рамках понимания их как познавательных систем, т.е. систем, продуцирующих научные и религиозные знания и лежащих в основе научного либо религиозного постижения Мира (автор вводит в слове Мир букву «i» в тех случаях, когда подразумевает в нем совокупность духовного и материального мира – *ред*).

Научная познавательная система

Естественные науки занимаются формированием моделей объектов и явлений материального мира и исследованием их с целью поиска научных истин. Построение моделей естествознания сводится к кардинальному упрощению наблюдаемых объектов и явлений, при котором становится возможным анализировать их логически, а лучше и математически.

Математика оперирует символами и числами, поэтому числа, описывающие свойства моделей, должны определяться посредством измерений. Чтобы классифицировать числа, им задают определенные размерности и, строго говоря, на этом связь с объектами материального мира обрывается. Всё, что может дать математика — это, если можно так выразиться, анализ и комментарии.

Процесс научного познания подразумевает, что объекты и явления материального мира характеризуются набором числовых величин, связанных функциональными зависимостями. Однако далеко не все свойства можно измерить и охарактеризовать числами, да и не все измеряемые величины можно функционально связать. Поэтому научная модель дает всегда ограниченные и неполные знания об объекте материального мира.

Числовой образ объектов материального мира полезен, прежде всего, потому, что позволяет оперировать с числами на бумаге, а не с реальными конструкциями, и лишь время от времени проверять расчёты измерениями. При этом сколь угодно сложная модель может ответить только на вопрос «сколько?», но не на вопрос «почему?» Впрочем, при ответе на вопрос «почему?» модель иногда позволяет выстроить количественные характеристики в причинно-следственную цепочку порождающих друг друга чисел. Эта цепочка может быть короткой, может быть длинной, но она всегда упирается в иррациональную бесконечность, смысл которой замечательно выражен в стихотворении Ф. Тютчева:

Знак бесконечности похож

На опрокинутую восемь,

Она отраднейшая ложь,

Какую мы в сознание носим!

С «бесконечностями» в естествознании надо быть поосторожнее. Утверждение «о первичности материи и о бесконечности её свойств» не поддаётся ни опыту, ни воображению, т.е. по своей природе абсолютно необъективно. Но именно оно лежит в основе всего современного естествознания, образует фундамент модели материального мира, который и является предметом науки.

Наука подвержена историческим изменениям, т.е. в различные исторические времена она имеет различные критерии научности, выполнение которых и даёт право моделям на жизнь. В современной науке также содержатся такие критерии: опытная проверяемость, воспроизводимость, доказательность, непротиворечивость, причинность. Если все критерии выполнены, то модель является научной истиной (теория или закон) в рамках заданной области существования. При частичном выполнении критериев ранг модели понижается, и она носит название феноменологической, гипотетической, мифической, метафизической. При этом гипотетическая, мифическая и метафизическая модели включают философские умозаключения, которые всегда субъективны и принимаются на веру.

В совокупность научного знания входят и некогда общепринятые, но позднее отвергнутые модели, без которых невозможно описать ход истории научной мысли. Сегодня принято исторически различать науку архаичную, античную, средневековую, науку нового времени и современную.

Каждому этапу развития науки присущи свои модели и свои критерии научности, естественно, отличные от ныне принятых. Отметим, что модели, удовлетворяющие критериям своего времени, не были ошибочными на тот момент, поскольку имели «знак качества» от научного сообщества. Иначе придется признать, что поскольку и сегодняшние модели со временем перестанут отвечать уровню развития науки, то и в настоящий момент времени следовать им необязательно, а это вряд ли продуктивно.

Так, например, в первые века по Р.Х. научное знание трактовалось как систематизация повседневного обыденно-практического опыта. В рамках данного критерия Василий Великий в «Шестодневе» использует некоторые модели (например, рождение биологических объектов из воды, существование «живородящих мошек»), которые позже признали ошибочными — но уже в другие времена, когда появились другие экспериментальные возможности и, соответственно, другие критерии научности.

Поэтому неправильно считать, что Василий Великий ошибался, он лишь как высокообразованный человек своего времени лишь использовал (но не придумывал и не вводил в обиход) общепринятые в то время модели, которые с нынешних позиций, безусловно, неверны и кажутся просто наивными.

Научные модели, оперируя числами, не могут адекватно описывать качества, и потому инертны по отношению к ценностям. Отметим, что в науке и качественно различные объекты пытаются сравнивать и классифицировать количественно — например, восходящая линия происхождения человека строится на основании измерений объема черепа (хотя связать объем с интеллектом пока никому не удалось). И этот пример принципиален — наука изучает объекты материального мира, а в материальном мире есть только материя, существующая в различных формах, и ни одна из этих форм не лучше другой: будь то ботанический сад или городская свалка. Более того, II начало термодинамики говорит, что самый естественный и наиболее вероятный процесс — это превращение сада в свалку.

Не утихают разговоры об ответственности учёных за свои действия. Долгие годы учёных обвиняли в создании атомного оружия. Сегодня более модно упрекать за попытки клонирования человека, но эти упреки, прежде всего, следует отнести к тем, кто финансирует науку.

Без должного финансирования никаких бомб сделать невозможно — ведь речь идёт не только о разработке идей и конструировании изделий, но и о производственном процессе, в который были вовлечены сотни предприятий по всей стране, как в США, так и в СССР.

Критиковать же учёных за изучение и разработку моделей цепных ядерных реакций — явная нелепость. Другое дело, что, почувствовав, к чему идёт дело, можно было бы и отойти от этой работы, но за своё решение каждый человек, а не только учёный, несёт ответственность и, прежде всего, перед Богом. Но за что учёные, безусловно, должны отвечать, так это за нескрупулёзность к результатам своих исследований, а порой и за откровенную ложь, с целью получения приоритетного финансирования и всяческих благ (почёт, научные степени, правительственные награды, премии и т.д.).

Христианская православная познавательная система

Как познавательная система, православная религия даёт знание, как людям спастись от зла и найти дорогу в Царствие Небесное. Система содержит набор фундаментальных утверждений (истин о Бытии), выраженных в образной форме в Священном Писании. Поскольку Священное писание дано нам Богом, то система является совершенной, полной и истинной. Полнота означает, что система не требует никаких дополнений, а истинность — что она не содержит противоречий и неверной информации.

Вторым из двух первоисточников христианской веры является Священное предание, представляющее, как и Священное Писание, учение Иисуса Христа и апостолов, преподанное ими устно, а позже — написанное. Ввиду того, что существенная часть фундаментальных истин дана в образной форме притч, однозначность их понимания требует толкования. Решения первых семи Вселенских Соборов и труды отцов церкви II — VIII вв. в целом решили проблему толкования Священного Писания. Подчёркнём, что толкование не может затрагивать смысла текста и необходимо лишь в случае, когда имеются затруднения с буквальным пониманием.

Ясно, что система — на то и система, что она требует выполнения всех её правил без исключения. Священное Писание и Священное предание доступны каждому, истолкованы для буквального понимания отцами Церкви. Никакие дополнения, изъятия или изменения содержания для православного человека недопустимы, а если «зуд совершенствования» всё-таки одолевает — дерзайте, сколько хотите, право на это у вас есть, но вне границ Православия. Уходите в католицизм, в протестантские секты, там можно найти дополнения, современное толкование, согласующееся с академической наукой и т.д., но не забывайте при этом, что отныне вы погрузились в ересь.

Чего стоят в духовном плане католицизм и реформация, замечательно в образной форме выразил митрополит Вениамин (Федченков) в книге «На рубеже двух эпох»: «Припомню сейчас одну группу картин, которую мне пришлось видеть в американском журнале. На одной из них сфотографирован внутренний вид передней части алтаря. На красивых, солидных, мраморных

креслах сидят католические епископы. Они в богатом облачении, в высоких митрах, держат себя важно, даже напыщенно. Это — «церковная власть». Такова католическая Церковь, Церковь непогрешимого папизма, Церковь, правящая бесправными пасомыми. Из-за этих правителей не видно даже священного алтаря, где совершается богослужение: Церковь, как правящий класс, заслонила даже веру. Нечего уже говорить, что тут не видно народа, паствы, управляемого стада; оно не имеет силы в католичестве.

На другой картине не изображено ни храма, ни алтаря, ни даже народа, а только проповедническая кафедра. Ухватившись за боковые края ее, оратор, в мирском костюме, только с белым воротничком — знак протестантских пасторов, — что-то говорит, говорит, говорит. Это — протестантская Церковь, где Таинства не имеют значения, где даже храм является скорее залой для публичных выступлений, где «священник» — тот же непосвященный мирянин, где главным делом является учительство, проповедничество, где даже самая молитва (легонькие «стишки») сведена больше на мораль, да еще разве на веру в искупление «дорогим Иисусом» — вот это протестантизм. Эта картина — тоже фотография, а не рисунок.

Но вот третья фотография. Сзади — горы, голубое небо, благословенная природа Божия. На переднем плане — сельский храм из белого камня, покрыт красной черепицей, двери затворены (кончилась служба или еще не начиналась), над ними — икона св. Георгия Победоносца. А ближе всего к зрителю — два человека: сельский старенький священник в рясе и греческой камилавке, с бородой и длинными волосами, а справа от него — старушка в темном платке и черном платье, подперши щеку правой рукой, которую поддерживает левая. Она сидит на остатке ограды, священник же стоит. Оба смиренно молчат и задумчиво о чем-то помышляют. Тут нет и тени власти, тут никто не стремится учить, да и к чему учить? Разве же совесть христианская, просвещенная двухтысячелетним опытом и церковным преданием, не знает, что нужно делать и чего не нужно? Единственная дума — о будущем Небесном Царстве. Но и тут нет католического «паспорта» на бесспорный вход туда, нет и самообольщенной уверенности в свою собственную «спасенность» заслугами Христа; здесь лишь — сокрушение о грехах со смиренной надеждою на возможное милосердие Спасителя да на заступление Богородицы и святых мучеников, ходатаев пред Богом. Да и об этом оба они не думают, а лишь смиренно, кротко глядят внутрь своих душ, но без уныния, без отчаяния.

Вот это — православные. Вот это — действительная религия в душе. Вот это — святой народ. Вот это действительно истинная Церковь Христова...»

Современная наука и Православие

Было время, когда наука и религия были единой системой, в которой царили Истина и Благо. Усилиями католических «рационализаторов» наука была отделена от религии, а затем «отцы-атеисты» превратили науку в орудие борьбы против религии — дитя восстало против родителя. Увы, таков удел нашего грешного М і ра. В настоящее время религия и наука — это две познавательные системы, существующие независимо и изолированно друг от друга. Поэтому между ними не должно возникать никаких противоречий. Противоречия могут возникнуть (и возникают) при нарушении границ поля деятельности этих систем, при вторжении на чужую территорию.

Тем не менее, некоторые фундаментальные принципы сохранились со времен единства науки религии, и поныне присущи современной науке. Но некоторые принципы были нарушены. Так, Писание ограничивает область научных изысканий и предупреждает, чтобы учёные не лезли туда, где они всё равно ничего не поймут: «Что заповедано тебе, о том размышляй; ибо не нужно тебе, что сокрыто», «ибо многих ввели в заблуждение их предположения, и лукавые мечты поколебали ум их» [Сирах. 3.22, 24].

Не изучай сокровенного! (к сокровенному относится и тайна рождения М і ра и нас самих). Но, чтобы удовлетворить наше любопытство, Бог дает нам описание этих тайн, и даёт ровно в том объёме, который нам необходим и полезен. Сколько ни трать времени на размышления о

сокровенном, — всё зря, и поскольку понять самим эти тайны нельзя, остаётся принимать Библейские откровения буквально. Как только мы отходим от буквального понимания и начинаем строить догадки — тут же попадаем в руки «лукавого».

Буквальное понимание определяется не размышлениями, а собственным опытом, и потому, например, каждый День Творения, понимаемый буквально, согласно нашему собственному опыту, должен длиться 24 часа. Любая другая длительность Дня Творения может быть предложена только рационалистически, в результате размышлений (и не может быть доказана ни научно, ни религиозно), т.е. налицо попытка изучить и понять сокровенное.

Другое дело, что современная наука на основе своих представлений и гипотез говорит о возрасте нашего М і ра, отличном от Библейского. Однако афористический тезис: «Бог за шесть дней сотворил М і р, которому 13 миллиардов лет» придумали учёные, а не богословы. И хотя многие усматривают здесь иронию, скорее — это поиск способа смирения с тем, что многое в этом М і ре премудро сокрыто от нас и науке не подвластно.

Эволюционизм и креационизм в науке и религии

В рамках познавательных систем использование терминов и понятий требует их строгого предварительного определения. Согласно энциклопедическому определению, эволюция — процесс, в котором состояние системы рассматривается как результат более или менее длительных изменений её предшествующего состояния.

В науке эти изменения либо фиксируются экспериментально, либо заменяются философскими утверждениями. При этом философские утверждения не должны выходить за рамки количественного анализа. Поэтому любые рассуждения о развитии материи в эволюционных процессах от низших форм к высшим в науке некорректны, поскольку они относятся к рассмотрению качественному. Отсюда следует, что для науки эволюционные модели вполне приемлемы, если допускают количественное описание.

Православная религиозная система не занимается количественным рассмотрением процессов. В Священном Писании есть числа, характеризующие процессы и объекты (шесть дней Творения, возраст патриархов, продолжительность Всемирного Потопа, и т.д.), но они — предмет откровения, а не измерения (числа обсуждению не подлежат). Если написано, что кит проглотил Иону и тот пребывал в чреве кита три дня — значит, так оно и было (митрополит московский Филарет, писал, что, если бы в Писании было сказано, что Иона проглотил кита, он и этому бы поверил). В целом, Писание даёт чисто качественное рассмотрение М і ра.

Поэтому любые попытки построения количественного соответствия между данными науки и священными текстами некорректны и свидетельствуют о полном непонимании целей и смысла науки и религии, как познавательных систем.

Напомним, что в Православии толкование текстов не должно изменять или искажать содержание. Это касается и терминов. Ведь новый термин в познавательной системе — своеобразный приём толкования, облегчение понимания, а значит и по своему содержанию должен соответствовать старым. Поэтому термин «православный эволюционизм», или «христианский эволюционизм», как название учения, связанного с существенным изменением установившихся ранее взглядов, права на жизнь в рамках православной познавательной системы не имеет.

Что касается термина «креационизм», то он определяется как религиозное учение о сотворении М і ра Богом из ничего и вполне уместен в религиозной познавательной системе. Однако, если это учение религиозное, то оно ни в каком виде не может присутствовать в научной системе познания М і ра, в том числе и виде «**научного** креационизма». Творение — таинство, т.е. явление сверхъестественное и принципиально не может быть объектом науки, поскольку не подлежит ни экспериментальной проверке, ни научному теоретическому описанию. С другой стороны «научный креационизм» не может войти и в христианскую познавательную систему — сам смысл

термина «научный» указывает его принадлежность к материальному миру (в естествознании духовная составляющая М і ра не рассматривается), но М і р Божий материальным миром не ограничен.

Подведём итоги

Эволюционизм — не строгая научная теория, а мнение группы ученых, внедряемое в умы людей усилиями СМИ. С научной точки зрения разделять идеи эволюционизма необязательно (и это еще щадящая формулировка по отношению к биологической эволюции), и для православного человека нет веских причин согласовывать свое мировоззрение с эволюционными идеями.

Вопрос о приемлемости эволюционизма имеет и богословский аспект. Не являясь богословами, мы можем лишь кратко выразить свою точку зрения: идеи биологической эволюции несовместимы с Православием. А ведь многие православные люди, в том числе и посвященные в сан священства, вслед за католиками пытаются совместить дарвинизм со Священным Писанием. Им кажется, что это позволит жить в мире с академической наукой. Но с истинной наукой жить в мире можно и без этого, а вот с наукой атеистической не удастся, даже восприняв все эволюционные идеи. Не стоит забывать, что «христианский эволюционизм» — порождение католицизма, а Римско-католическая церковь и в былые годы вмешивалась в дела мирские, излишне часто обращала внимание на достижения науки, например, руками Фомы Аквинского возвела в догму многие из научных идей язычника Аристотеля. В дальнейшем именно это послужило почвой для запрета трудов Коперника и процесса Галилея.

Выбор веры — личное дело каждого, но вот вопрос: есть ли на этот счёт мнение Православной Церкви? На XV Рождественских чтениях Святейший Патриарх Алекс і й II высказался достаточно однозначно: «... И никакого вреда не будет школьнику, если он будет знать библейское учение о происхождении мира. Осознание, что он является венцом Творения Божия, только возвысит его. А если кто хочет считать, что он произошел от обезьяны, — пусть так считает, но не навязывает этого взгляда другим». Мнение Патриарха известно каждому священнику, занятому вопросами образования, но многие из них по-прежнему продолжают пропагандировать чуждые нам воззрения на биологическую эволюцию и учить этому православную молодежь.

Нельзя критиковать в методологическом плане эволюционные модели и одновременно утверждать креационные. Креационизм, как идеология, сомнений не вызывает, но «научный креационизм» — нонсенс.

В его основе, как и в основе теологического эволюционизма, лежит грубая методологическая ошибка: они оба представляют собой очень странные конструкции — в них научные модели дополнены теологическими, или, другими словами, философскими постулатами. Но наука изучает материальный мир, и дополнять естественнонаучные конструкции можно постулатами только материалистической философии — иначе мы выходим за рамки научного знания. А теологический эволюционизм, как и научный креационизм, представляют собой конгломерат материалистических и идеалистических идей. Поэтому, с точки зрения науки, они представляют собой лжеучения. Научными методами объяснять сверхъестественное творение методологически неверно.